

Валентина КОБЗАРЬ

Окончила Дальневосточный государственный университет по отделению журналистики. Живет в Благовещенске. Сказки печатались в областных газетах, исполнялись на областном радио и телевидении.

Сказки для взрослых

ЗАКОЛДОВАННАЯ МУХА

ОДНА ЖЕНЩИНА полюбила чужого мужа. Страдала на расстоянии: она не находила повода, чтобы подойти к нему, а он ее не замечал, хотя работали в одной конторе.

А любила она его безумно. Думала о нем днем и ночью, грезила наяву, представляя, как ласкает его, шепчет слова любви, ловит его дыхание...

Однажды в руки ей попала книга знахарских рецептов — чего толь-

ко не продают сейчас на каждом углу. Полистала из любопытства. Рецепты на все случаи жизни: как приворожить, как отвратить, как преобразиться. Купила она колдовской справочник.

Женщина та была не злая. Она вовсе не собиралась разрушить чужую семью или извести соперницу — жену. Ей просто хотелось хоть иногда быть рядом со своим любимым. Она выбрала рецепт, который обещал перевоплощение: достаточно было выпить по специальному рецепту приготовленное зелье, чтобы на два часа превратиться в эльфа.

Эльф был нарисован в той книге. Симпатичный мальчик с прозрачными крылышками. Правда, женщине хотелось превратиться в фею, каких изображают на корейских вышивках: с высокой прической, в длиннополох развевающихся одеждах. Но таких рецептов в книге не было.

Состав зелья оказался не очень сложным. Полынь женщина нарвала на своем садовом участке. Листья эвкалипта у нее были припасены от кашля. С лунным светом вообще не было проблем. А вот сухого скорпиона пришлось украсть в музее — не в Среднюю Азию же за ним ехать.

Сварила женщина зелье. Зажмурившись, выпила его — и через положенное время превратилась в ... муху. Наверное, ворованный скорпион подпортил. Расстроилась она, испугалась, расплакалась, забилась в дальний угол. Посидела немного, успокоилась и, конечно, вспомнила о своем любимом. Ради встречи с ним ведь все это затеяла. Что ж — на полпути останавливаться? Полетела.

А в той семье все было спокойно. Жена на кухне — у плиты. Муж в кресле — у телевизора. Молчат. Слышно, как муха жужжит. Та самая. Через форточку проникла.

Перелетела она комнату и села любимому на макушку. Макушка была слегка лысовата, но муха считала ее привлекательной и даже сексуальной. Муха поцеловала любимого своего в самую маковку нежно-нежно, уронила слезинку и снова поцеловала.

Ему, любимому, было щекотно, но лень тянуться за газетой, муху отгонять... Может, сама отстанет? Он весь расслабленный сидел, наслаждался покоем, тишиной и ароматами из кухни. Хорошо ему было.

И мухе тоже было хорошо. Она была счастлива обойти и потрогать каждую волосинку и родинку на его голове. Ей захотелось заглянуть ему в глаза, и она, совсем потеряв голову, поползла с макушки на лоб и дальше. Увы, глаз, до которого добралась муха, был закрыт — любимый дремал. Но не спал. Потому что муха ему все-таки надоела. И он лениво махнул рукой возле носа.

Легкое колебание воздуха показалось мухе ураганом. Ее сорвало с места. Чуть не переломав крылышки, она слетела с лица любимого и приземлилась куда глаза глядят. Придя в себя, стала размышлять: что же делать дальше? Еще раз слетать к обожаемому? Или издалека за ним понаблюдать? Или домой собираться — время действия зелья скоро должно было закончиться...

Она не успела долететь до окна своей квартиры на шестом этаже. Оставалось каких-то двадцать сантиметров, когда срок колдовства истек, муха превратилась в женщину, а женщина упала с огромной высоты на асфальт и разбилась.

Знающие люди говорили, что она сама это сделала.
От несчастной любви.

ИДЕАЛ

У ОДНОЙ ДЕВУШКИ был идеал. По рецепту Алены Апиной она его слепила из того, что было, положила в коробочку из-под леденцов и носилась с ним, как с писаной торбой. Или как кошка с салом: любовалась и берегла.

Пребывала девушка в том возрасте, когда молодежь суетится в поисках суженого. Парни бегают за девчонками, те делают вид, будто сердиты, и убегают, не забывая, однако, улыбаться и посматривать многообещающе.

Девушка, у которой был идеал, вела себя спокойно. Парни сами искали с ней встреч, потому что была она чрезвычайно красива и весьма обаятельна. Но вела себя, по мнению воздыхателей, странно. Когда какой-нибудь молодой человек приближался к девушке, чтобы познакомиться, она внимательно его разглядывала, потом доставала коробочку из-под леденцов, открывала ее, заглядывала внутрь, вновь смотрела на молодого человека — и всегда (всегда!) делала кислую мину. Это означало, что претендент от идеала далек и с ним не стоит даже разговаривать.

Сначала парни бегали толпами. Потом ряды их поредели. Ясное дело — даже у девушек, которые не имеют идеалов, со временем женихов становится меньше...

Так она и жила одна. В ожидании великой любви, безбрежного счастья, идеального супружеского союза. Думаете, напрасно ждала? Нет. Она все же встретила со своим идеалом лицом к лицу.

Ей было уже под восемьдесят. Однажды она шла из магазина. Честно говоря, шла из последних сил: ноги еле слушались, пакет с полбуханкой хлеба оттягивал руку. Притомилась. Присела на лавочку.

Вдруг, как черт из коробочки, возник перед нею парень — молодой, шустрый и будто знакомый. Глянула старушка и обмерла: ОН!

Достала она заветную коробочку, всю уже облезлую, открыла, глянула, ахнула: "Идеал!" Встрепенулась все такая же молодая душа. В выцветших глазах вспыхнула искра. Старушка с девичьим трепетом вскинулась навстречу долгожданному счастью...

А молодой хулиган убежал, прихватив пакет с хлебом.

Домо́зой

ОДНУ ЖЕНЩИНУ полюбил Домовой. Иначе и быть не могло — она одна во всем девятиэтажном доме соблюдала все, что полагается по отношению к домохозяину. Когда переезжала из старой развалюхи в однокомнатную квартиру, на новоселье пригласила Домового. Никогда не оставляла на ночь неубранными вилки и ножи. Не забывала для “хозяина” еду на блюдечко выкладывать. Много ли Домовому надо?

Он платил ей добром. По-своему. Однажды женщина забыла выключить утюг. Вспомнила только в обед, прибежала с работы сломя голову, а дома порядок. Утюг действительно включен, зато рубильник счетчика на нуле. Чудеса.

Как-то бачок унитаза вышел из строя и сам же исправился, как только слесаря на пороге появились — не успели даже на бутылку выпросить.

Раз вообще невероятное приключилось. Женщина после всем подругам по два раза рассказала, как сорвалась ее люстра, но не грохнулась на пол всей тяжестью, а плавно опустилась, будто кто-то в руках ее держал.

Это все Домовой выручал хозяйку. От души был рад ей угодить. Ну и что, что мал ростом, космат и невидим? Душа у него была такая же, как у других жильцов дома, человечья. А вот тело (если можно так назвать нечто невидимое) досталось нестандартное. Однако Домовой не унывал и даже находил в этом некоторые преимущества. Еще неизвестно, обратила бы женщина на него внимание, будь он в обычном мужском обличье. А в таком виде он был хозяином положения и сам решал, погладить ее, скажем, по голове или пониже спины.

Когда у женщины случалось хорошее настроение и она танцевала просто так между диваном и столом, Домовой танцевал вместе с нею. Особенно ему нравилось расчесывать волосы любимой.

Иногда он хулиганил. По реестру домовых ему было 375 лет — расцвет молодости, как не пошалить. То чашку со стола скинет, то примется шторы теревить. Они шевелятся сами собой без ветра, женщина пугается, Домовой ее утешает...

Чего он страшно не любил, так это гостей мужского пола. Когда кто-нибудь из них приходил, Домовой злился и вытворял черт знает что. На одного он опрокинул кастрюлю горячего борща. У другого прямо в руках разлетелась бутылка вина. С третьего вдруг враз обсыпались все пуговицы. Бедная женщина бледнела, краснела, извинялась и в конце концов стала встречаться с потенциальными женихами на нейтральной территории.

Где-то там она и нашла себе мужа. Он сразу повел себя в доме как настоящий хозяин. Все, что нужно, завинтил, покрасил, прибил, зашпаклевал. И даже умел делать пельмени.

С его появлением у Домового дел настоящих не осталось, шалить расхотелось, хулиганить не было смысла: мужчина оказался фантастически выдержанным и спокойно перенес даже трижды падавший на него сервант с посудой.

Домовой пригорюнился, как сиротина: этот муж захватил все его жизненное пространство...

Оказалось, не все! Не все он занял. Не все ему было под силу. Когда муж, уснув, храпел по ночам, Домовой рассказывал женщине чудесные сказки. По утрам она, смущаясь чего-то, думала, улыбаясь: я такая счастливая, что даже сны мне снятся волшебные.

КОЛЬЦО

ПО УЛИЦЕ шел мужчина. Он был пьян и совершенно несчастен. Он шел с работы домой на автопилоте: дорога прыгала, уходя из-под ног, глаза закрывались, а когда смотрели — непонятно куда, — все перед ними кружилось. В конце концов мужчина упал с края дороги и уснул.

Лежит под забором человек, не шевелится, — кажется, и не дышит, — а что в нем творится! Бурление, брожение, окисление и борение то ли алкоголя с организмом, то ли организма с алкоголем, то ли схватка между жизнью и смертью. И под неслышимый гром этой невидимой битвы снится мужчине сон.

Будто выдали на работе не нищий аванс, как сегодня, а полную зарплату за полгода со всеми положенными доплатами. От таких денег мужики в бригаде просто свихнулись: решили не брать спиртного, а купить своим домашним подарки. Пошли они все в универмаг, и наш мужчина с ними. Купил он жене сапоги, сыну робота, а теще огромную шаль с кистями.

О себе мужчина как-то не вспомнил и вышел из универмага, ничем себя не порадовав. Вдруг старуха какая-то к нему подходит и кольцо предлагает купить, совсем дешево. В жизни мужчина колец не носил — бабские побрякушки, — а тут как кто-то толкнул его, купил он кольцо и на палец надел.

В этот самый момент сон кончился, мужчина проснулся, но не в канаве под чужим забором, а дома, в своей постели на чистых простынях. Голова не болела, во рту не было противно, как обычно с похмелья, а нос чуял запах любимого пирога с мясом.

Заглянула в спальню жена, улыбнулась, как улыбалась еще в невестах.

— Вставай, — говорит, — милый, умывайся, мы тебя ждем.

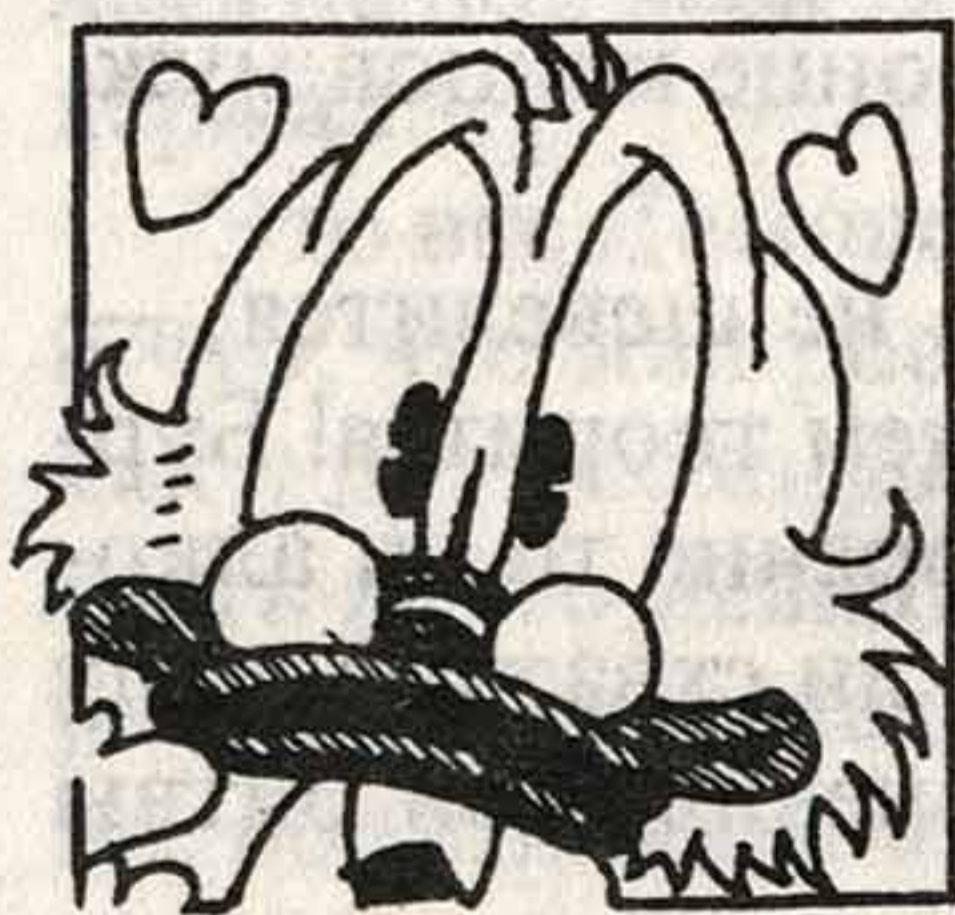
Мужик решил, что он все еще видит сон. Но, когда брился, немного пришел в себя: порезался, кровь потекла, настоящая, на вкус соленая. Наверное, все же не сон, — подумал мужчина.

Робко вошел он в большую комнату и увидел такую картину. Стол под белой скатертью был накрыт как на праздник. Посередине — пирог. Слева сидит жена, счастливая, сияет, к груди прижимает новые свои сапоги. Справа сидит теща — большая и тоже сияющая, в цветастый свежий платок укуталась. Между ними сын устроился. Сопит от напряжения, отворачивает роботу голову.

Сел мужчина на свое обычное место, оглядел семейство радостное и вдруг впервые в жизни ощутил себя по-настоящему сильным, добрым, великодушным, кормильцем и добытчиком, которого любят, уважают, даже готовы побаиваться.

А на пальце у него сверкало кольцо самоварного золота.

ДВЕНАДЦАТЬ ВЛЮБЛЕННЫХ

ОДНА ЖЕНЩИНА всей душой любила собственного мужа, и тем была счастлива. А муж ее сердечно был привязан к своей секретарше — он ее обожал. А секретарша любила знакомого таможенника: они часто виделись, но все по делам. А у таможенника была своя горькая тайная любовь — его угораздило влюбиться в девушку, которая работала на соседней, китайской таможне. А у той китаянки был любимый жених моряк, он давно ушел в рейс, месяца через три ждали его возвращения, правда, он почему-то уже давно не писал. А не писал жених, потому что в Новой Зеландии встретил новую любовь: белокурую, голубоглазую, покорившую навечно и не замечавшую моряка абсолютно. А белокурая была влюблена в вечно печального студента: печалью он и пленил голубоглазую красавицу. А студент на нее внимания не обращал, потому что его влекло к мужчинам и особенно к одному парню из Сан-Франциско. А тот американец и не думал о студенте — для него милее всех на свете была собственная жена. А любимая жена души не чаяла в собственном сыночке, даже любимый муж на второй план отошел. А сыночек был еще мал, ему казалось, что больше папы, мамы и бабушки он любит сердитого и деловитого утенка — миллионера Скруджа.

На этом сказка кончается. Ведь известно, что Скрудж больше всего на свете любит деньги, а они, противные, никого не любят.

СТЯЩАЯ

ОДНА ЖЕНЩИНА устала от одиночества и решила отравиться. Она дождалась, когда наступит май и зацветет сирень. Наломала огромный пахучий букет и поставила его в своей спальне.

А утром она не проснулась. Сладкий густой аромат сирени женщину удушил. Но не совсем: она не могла видеть, говорить, шевелиться, но слышала, и вообще была жива.

Хоть женщина и жила одиноко, нашлись люди, которых беспокоила ее пропажа. Они вызвали милицию, взломали дверь, потом позвонили в “скорую”.

Приехал врач. Не старый, печальный, одинокий. Он взглянул на спящую женщину и влюбился. А потом переехал к ней жить — кому-то же надо было за ней ухаживать.

Врач кормил спящую, мыл, следил, чтобы не было пролежней, сделал ремонт в квартире, написал умную статью о сне. Иногда по вечерам он читал своей любимой “Журнал мод”.

И все время думал, как бы ее разбудить. Он перерыл кучу медицинской литературы, советовался с коллегами, списался с несколькими мировыми светилами, даже познакомился с колдуном. Средства против сна не находилось.

Прошло лето, за ним осень. Чудо случилось лишь в конце декабря. Врач был человек домовитый, традиции чтит и решил Новый год встретить по всем правилам — с елкой.

Замороженную лесную красавицу он купил на рынке. Была она невзрачна, но в домашнем тепле преобразилась: зазеленела, заискрилась. По всей квартире поплыл от нее бодрый свежий аромат. От него-то женщина и проснулась. Она увидела елку. На елке голубой стеклянный шарик. В шарике она увидела себя, но совсем другую — не майскую. Декабрьская женщина больше не была одинока. И она была счастлива.

СТАРАЯ ЖЕНА

ОДИН МУЖИЧОК решил поменять свою старую жену на новую. Вообще-то она была неплохая, но уже сорок лет ей исполнилось, и что-то располнела за последнее время. А ему так хотелось молодую, стройную, в общем, новую.

В том городе, где он жил, была меняльная лавка. Меняли в ней что угодно: шило на мыло, собак на

кошек, носки на портянки, хлам на мусор. Вот он и пришел туда с женой. Она не спорила. Не потому, что дурой была, наоборот, она была умной женщиной и знала наперед, чем все кончится. Потому и не сопротивлялась: охота мужику развлечься, ну и пусть себе.

В лавке вышло некоторое замешательство: обмен должен был быть равноценным, поэтому за одну сорокалетнюю полную жену мужичку выдали не одну, как он ожидал, а двух двадцатилетних худых девиц. Вначале он заробел, а потом решил, что так даже интереснее.

Вернулись домой веселой компанией. На радостях в первый вечер он решил быть предупредительным и гостеприимным, поэтому сам купил крабов-ананасов, шампанского-амаретто, сала и хлеба. Сам накрыл на стол и начал девиц угощать.

Одна досталась беленькая, другая черненькая. Обе глазастые и зубастые, хохотушки, с длинными, как сейчас модно, ногами. Девицы выпили шампанское с ликером, расшалились, потребовали сигарет и водки. Мужичку это не понравилось, но он все же сбегал — можно побаловать на первых порах.

Девицы покурили, снова выпили и в конце концов упились вдрызг. Одна залезла на стол и танцевала, перебив всю посуду. Другая не отходила от унитаза. Скоро обе попадали и уснули.

А мужичок пригорюнился, задумался. Так, в задумчивости, он посуду перемыл, со стола убрал, утра дождался. Утром сгреб своих новых женушек в охапку — они какие-то облезлые ему показались при дневном свете — и поволол в лавку: обратно на свою бывшую жену менять.

Пришел, а лавки нет. Будто никогда и не было. Мужичок, наверное, сошел бы с ума... Если б вовремя не проснулся. Оказалось, ему кошмарный сон приснился. Оказалось, он дома. Как хорошо! Повернулся на бок, а жены-то рядом нет!

Мужичок сошел бы с ума второй раз... Если бы не услышал, что кто-то звякает посудой на кухне. Это его милая в двадцать пять тысяч тридцать третий раз ему, милому, завтрак готовила.

Рванулся он с постели в кухню, чтобы обнять, поцеловать любимую женушку. А она поворачивается от плиты, улыбается и спрашивает:

— Ну что, порезвился?

Говорят, после сорока все женщины становятся ведьмами.

ПРОЩАНИЕ

ОДНА ЖЕНЩИНА прощалась с Любовью.

— Уходишь, — едва слышно сказала она. Лишь бы не тянулось тягостное молчание.

— Да, — односложно ответила Любовь, перебирая легкие вздохи, страстные взгляды, трепетные прикосновения. Она уносила их с собой, как садов-

ник уносит после работы лейку и грабли, дворник — метлу и тачку, сантехник — разводной ключ.

— Как же я буду жить дальше? — помолчав, спросила женщина.

— Жила же...

— Да, как будто робот. Дом, работа, дом, работа. Как заводная. Я только с тобой поняла, что не жила, а существовала. Что мне, снова прозябать?

— Твои проблемы. Мне неинтересно. Хотя я знаю, что .. приходит после меня. Хочешь знать?

— Смерть, наверное, — встрепенулась женщина, явно испугавшись.

— Да, некоторые так думают. Травятся, вешаются. Нет, после меня не смерть — пустота приходит. У тебя будет пусто на душе, когда я уйду.

— Мне уже сейчас плохо. Посмотри, нет жизни в глазах, нет полета в походке, нет радостной улыбки. Не уходи. — Женщина говорила неуверенно, она чувствовала, что прощание с Любовью неизбежно. Но все же... — Может быть, останешься?

— Ха, — продолжая собираться, выдохнула с легкой усмешкой Любовь. — По телевизору недавно пели: “У любви, как у пташки, крылья... Законов всех она сильнее... Куда ей вздумалось, летит...” Это про меня. Истинная правда.

— И куда ты теперь?

— А разве тебе не все равно? Я тут не останусь и тебя с собой не возьму.

— Боже, зачем ты вообще явилась? — от отчаяния женщина осмелела и даже закричала. — Почему ты явилась именно сейчас, когда мне пятьдесят! В моем возрасте смешно быть влюбленной дурой. Почему ты не пришла, когда мне было двадцать?

— Вас много, а я одна, — оторвавшись от сборов, тоже почти выкрикнула Любовь такую знакомую фразу. Потом остановилась, будто прониклась сочувствием. — Не ругайся. Радоваться надо, что я тебя вообще посетила. Ты не представляешь, как много людей живут и умирают, так и не встретившись со мной. Все у них нормально: семья, дети, работа, достаток. А меня — нет, и ни за какие деньги не купишь. Прихожу ниоткуда, ухожу никуда.

— Ой, какая таинственная, — женщина откровенно дерзила. — А во вчерашней газете написано, что любовь — химический процесс и больше ничего. Ученые уже формулу знают.

— Ха, — легко выдохнула Любовь. — Раз они такие умные, почему в аптеках любовный эликсир не продают? Я не химический процесс. Я подарок судьбы. И зря ты сокрушаешься, что я не вовремя. Дареному коню в зубы не смотрят.

— Но если ты подарок, почему не навсегда, почему уходишь?

— Сколько можно повторять, вас много — я одна.

— Но как же одна? Я читала, что человек за жизнь много раз может влюбиться.

— Да, влюбиться — это пожалуйста, сколько угодно. В красивые глазки, в стройные ножки. А Любовь все равно одна. Когда я прихожу, любят старых, глупых, жестоких... Кого Бог пошлет. И Квазимодо, и Царевну-Лягушку, и, как ты, мальчишку, который тебе в сыновья годится.

— Да, я его любила. А он не замечал меня, — женщина, отдавшись воспоминаниям, притихла. — Я не спала, не ела, я даже задохлась, когда видела его, а ночами плакала.

— Но ты ведь бывала и счастлива, озарения тебя посещали, мир казался сказкою, правда? — напомнила Любовь.

— Все нахваливаешь себя, — очнулась женщина. — А ведь ты жестокая.

— Интересно, где это сказано, что я должна быть доброй?

— Но ведь ты не просто так, ты для чего-то, наверное, для чего-то хорошего?

— Во мне столько же смысла, сколько в жизни — нет его вовсе, — сказала Любовь. — У тебя останутся воспоминания. Это немало. — Глянула, кажется, грустно. — Хочешь бесплатный совет? Не вини его за то, что не любил. Он ничего тебе не должен. Так случилось. — Помолчав, Любовь сказала. — Прощай. Будь счастлива.

И ушла. Оставила после себя только слезы. То ли случайно забыла, то ли так положено.

ЛЮБИМЫЙ

ЖИЛ НА СВЕТЕ один мужичок. А потом умер. Пришел он к вратам Рая. Там его стали спрашивать, как жил, что делал.

Мужичок был обыкновенный. Умом не блистал, талантами не отличался, подвигов не совершал. За что отчитываться? Сколько ни напрягался, вспомнил только, что в пионерах металлолом собирал, да еще ведро с мусором регулярно выносил.

— Может, ты кого от смерти спас, счастливым сделал или защитил в отчаянный момент? — Райский привратник был добросовестным работником и каждого новичка выпрашивал дотошно. Мужичок снова напрягся, подергал себя за ухо. Это помогло.

— Вспомнил! Я сделал одну женщину счастливой!

— Откуда знаешь?

— Сама сказала.

— Жена?

— Нет, с женой все нормально было. Это другая.

— Ну и как же ты ее осчастливил?

— Если честно, не знаю. — Мужичок смотрел на привратника чистым ясным взором.

— Подарки дарил?

— Нет. Еще вообразит что-нибудь.

— Стихи сочинял?

— Я что, больной?

— Compliments говорил?

— Не обучен.

— Женщины любят комплименты, — вспомнил стражник что-то из прежней своей, земной жизни. — Женщины любят ушами.

— Может, какие и ушами, а эта — глазами. Смотрит, молчит, а я будто голос слышу: “Я люблю тебя...”. Чудно.

— А ты что?

— Сижу, курю.

— Она сильно надоедала?

— Да нет, иногда забегала ненадолго.

— А чего она хотела?

— Я так и не понял. Про постель никогда не намекала. Про то, чтобы жену бросил и на ней женился, ни слова. Однажды, правда, проговорила: мечтаю, говорит, гладить ваши рубашки и стирать ваши носки.

— У нее, наверное, мужа не было. Иначе не мечтала бы она о чужих носках.

— Точно. Моя жена только выспаться мечтала почему-то.

— М-да... — Стражника опять кольнуло воспоминание. — Ну, а что еще можешь ты сказать о той женщине, которую, говоришь, сделал счастливой?

— Ну что?.. Говорила, что у меня уши красивые. Все норовила по голове погладить. Я не давался. Я не такой. Я жене ни разу не изменил...

— Мужичок выдержал солидную паузу. — И она мне.

— Ты уверен? — Стражнику страшно захотелось курить. Эти непрошенные воспоминания... — Ну и чем все закончилось? — Пора было что-то решать с новеньким.

— Однажды она пришла спокойная, будто замороженная, взгляд простой, без этих неслышных слов. Пришла и говорит: если тебя когда-нибудь спросят, что хорошего ты сделал в жизни, скажи, что благодаря тебе одна женщина была счастлива. Сказала и ушла.

Стражник хмыкнул.

— Ну и при чем здесь ты? Отчего она счастлива была? Ты ее целовал, обнимал, ласкал? Нет. Защищал, утешал, поддерживал? Нет. Баловал, лелеял, обожал? Нет. В чем же твоя заслуга?

— А может, в том, что я просто был, — мужичок прибрался, грудь выпятил, живот втянул. — Я просто был в том месте, в то время, когда было надо. Кого б она любила, не будь меня рядом?

— М-да! — Пришел черед стражника дергать себя за ухо. — Навер-

ное, ты прав, если не врешь. А тут не то место, где обманывают, — про-
изнес он в задумчивости. — Что ж, милости просим. Проходи.

— Следующий!..

РОЗЫ

ОДНА ЖЕНЩИНА сто лет проработала уборщицей. Она вымыла тысячу квадратных километров, и краше чистых полов для нее ничего не было.

На юбилей — тот, столетний, — ей подарили букет голландских роз. Как же они были великолепны. Такого чуда женщина никогда в руках не держала. Лепестки были нежно-розовыми, как пальчики младенца, а по краю шла темно-красная каемочка. Внутри каждого цветка будто теплое солнышко светило.

солнышко светило.

А как описать этот пьянящий тонкий аромат? Так пахнет юная беспечность, счастливая любовь и, наверное, заслуженный отдых.

Розы долго-долго стояли в пластмассовой вазе на видном месте. Когда цветы окончательно завяли, женщина собрала лепестки и заварила чай. Не пропадать же добру. Розовый чай оказался красивым, вкусным, да еще и волшебным. Уж какой садовник их заговаривал, неизвестно, только вышли те голландские розы все равно как российские молодильные яблоки.

Уже на следующий день женщина заметила, что морщины стали разглаживаться, волосы блестеть и закручиваться кольцами. Спина, что лет двадцать была согнута колесом, распрямилась. И грудь, оказывающаяся, не усохла. Самые поразительные перемены произошли с руками: черные растрескавшиеся и скрюченные руки уборщицы стали такими же нежными, мягкими и тонкими, как когда-то давным-давно.

Наблюдала женщина эти диковиные изменения и не знала, радоваться ей, или печалиться. За что такой сюрприз и нужен ли он ей? Зачем опять ей молодость? Чтобы все сначала? Все сто тысяч квадратных километров?..

Пока она наблюдала и размышляла, тут и жизнь кончилась. “Вот и хорошо”, — подумала женщина.

ЖЕЛТОТЛАЗАЯ

ОДНА ЖЕНЩИНА отпраздновала свой день рождения, проводила гостей и стала перебирать подарки. Ей принесли в этот вечер два флакона туалетной воды (запах не понравился), три букетика мороженых гвоздик (ну что с ними делать?), старомодные деревянные клипсы (наверное, отдали за ненужностью). Все это не принесло ей радости

и не стоило внимания. Осталась серая некрасивая, довольно большая коробка. Ее оставил невзрачный мужичок — новенький в той конторе, где работала женщина.

В коробке был странный глобус. Без материков и океанов. Розового цвета. С незнакомыми названиями. Вроде бы земные, но женщина точно помнила, что на обычных глобусах таких названий не было.

“Великая северная равнина” — это на макушке. “Лабиринт Адамаст”, какие-то “борозды Гефеста”, “равнина Утопия”, “равнина Аркадия”...

Женщина медленно крутила розовый шар, водила пальцем между гряд, уступов, плато и равнин, пока не наткнулась на надпись “Глобус Марса. Для средней школы”.

— Что? Марс? Зачем мне Марс? — женщина отчего-то вспыхнула. — Что за глупая шутка? На что этот новичок намекает? Да кто он вообще такой!..

А ведь она его не приглашала, вдруг вспомнила женщина. Сам явился. Вел себя странно: не пил, не курил, не выскакивал на балкон посекретничать. Не кидался на помощь кому-нибудь в четыре руки чашки помыть на кухне. Его вообще как бы не было: незаметно пришел, втихомолку исчез.

Он и на работе был таким же — молчал, сторонился. Может, от того, что еще не освоился на новом месте. Может, комплексовал из-за странной своей внешности: глаза желтые, кожа зеленоватая.

— Боже мой, — женщину жаром обдало: ведь у нее самой глаза были почти желтые. Янтарные, говорил один знакомый. Другие часто спрашивали: “Что это у тебя, от желтухи осталось?”

И кожа ее тоже имела едва уловимый зеленоватый тон. Чего стоило женщине скрывать от посторонних свою расцветку.

Она сидела, почти касаясь головой розового глобуса, и вспоминала. Обычно она гнала от себя то, что нахально подсовывала ей память, а тут спокойно отдалась ей...

Она ничего не знала о родителях. Были ли они вообще? Ближней и дальней родни у нее не имелось. Никто не мог сказать ей, откуда она родом.

У нее не было пупка. Абсолютно гладкий живот постоянно ставил в тупик медиков (они говорили: “Гм!” — и чесали затылки).

На левом боку у женщины было несколько чешуек. Они красиво переливались всеми цветами радуги. Чешуйки нравились ей, хотя и пугали.

Не сразу и не без усилий женщина свыклась со странностями своего тела, научилась не замечать их. А сейчас вспомнила легко и просто, будто зелень кожи и желтизна глаз дело обычное.

За окном висела огромная Луна. Пробило двенадцать. Глобус вдруг начал медленно вращаться. Розовые бумажки с земными названиями марсианских гор и равнин отклеились и отлетели одна за другой. Вмес-

то глобуса появился матово светящийся шар. Он вращался быстрее и быстрее, взлетал под потолок, тихонько посвистывал, плавал из угла в угол. А женщина молча сидела за неубранным столом.

Больше ее никто не видел...

В ту ночь, когда от Луны осталась лишь половинка, бабе Гале из второго подъезда было видение. Будто пропавшую именинницу забрали инопланетяне, живет она теперь на Марсе, работает в поликлинике.

А что — может, и так, согласились с бабой Галей соседки.

РУСАЛКА

ДЕЛО БЫЛО летом. Интересный молодой человек рыбачил на Чигиринском водохранилище и поймал русалку. Вообще, было похоже, что она сама поймалась — спокойно держалась за леску, так и подплыла. Зеленоглазая, рыжеволосая. Посмотрела на рыбака и сказала человеческим голосом:

— Здравствуй.

У рыбака были крепкие нервы, он не упал, где стоял, а даже поздоровался в ответ и спросил:

— Ты кто?

— Русалка.

— Да-а? — протянул рыбак и уставился на свою добычу. До пупка совсем женщина, пониже — совсем рыба. Золотая чешуя сверкает на солнце, а в воде виднеется хвост. Русалка тоже рассматривала рыбака, и такой хороший был ее взгляд, такой спокойный и приветливый, что рыбак забыл испугаться, перестал смущаться, шагнул в воду и взял русалку за руки. Он хотел рассмотреть ее получше. Поднял и попытался поставить как бы на ноги, вертикально — но ничего не получилось: мелкая вода не держала русалку, хвост все время подворачивался. Русалка падала то на один, то на другой бок, рыбак ее поддерживал и, видно, нечаянно щекотал: она смеялась. Как весенняя капель, нежно-звонким колокольчиком звучал ее смех.

Смеясь, русалка била хвостом по воде, от брызг появилась радуга. Сама русалка, чтобы удержаться, не заметив, обняла рыбака за шею. А потом заглянула ему в глаза. Поворошила прохладной рукой его шевелюру.

Рыбак, уже мокрый с головы до ног, тоже смеялся и все крепче держал свою добычу. Кожа у русалки была гладкой и прохладной, будто бокал ледяного лимонада в июньскую жару.

— Ты что, живешь здесь? — спросил рыбак.

— Живу.

— И как?

— Противно, — русалка сморщила носик. — Мелко и мусорно.

— А ты, как золотая рыбка, наверное, — волшебная?

— Да.

— И можешь желание исполнить?

— Могу. Только одно. Я могу тебя поцеловать. Если хочешь.

— Хочу.

Мудрая зрелость десять раз выверит каждый шаг. Бестолковая юность кидается в любое приключение очертя голову.

Они были молоды. Им было скучно думать о последствиях. У самого берега Чигиринского водохранилища русалка и рыбак поцеловались. Ее губы были прохладны и душисты, как свежая зеленая трава, омытая летним дождем. Его губы пылали жаром сорокаградусной горячки. Получилась гремучая смесь: денатурат с шампанским, перец с малиной, сливочный крем с горчицей — Бог мой, что было в этом поцелуе!

Взрывом чувств их оглушило. Они стояли контуженные, ничего не видя, не слыша, не понимая. А когда очнулись, поняли, что жить не могут друг без друга. Мгновение спустя до них дошло: им никогда не быть вместе.

... Был вечер. Рыбаки собрались у костра и травили на тему “кто что поймал”.

— А ты? — спросил кто-то рыбака.

— Да, — невпопад ответил он.

— Что “да”?

— Поймал.

— Какую?

— Такую, — рыбак едва раздвинул ладони, потом махнул рукой и отвернулся от костра, разглядывая темноту.

В дальнем углу водохранилища собрались русалки и делились впечатлениями: кто где был и что видел.

— А ты? — спросили нашу русалку.

— Я? Дома сидела, — солгала она. Русалка плакала. Никто этого не замечал: слезы ведь тоже вода, только соленая.

ЖЕНИХИ

ОЧЕНЬ ХОТЕЛОСЬ одной девушке выйти замуж. А женихов все не было.

— Ну почему мне так не везет, — подумала девушка и пошла на городскую площадь.

Там стояла елка. Вокруг нее гуляли, пили водку и ели пирожки. Было холодно и скучно.

Вдруг кто-то запустил ракету, и искры от нее попали на шубу той девушки. Шуба загорелась и про-

тивно завоняла. К девушке кинулся пожарный с брандспойтом и облил ее с ног до головы.

Девушка перестала дымиться, зато превратилась в сосульку. Тогда к ней на помощь бросились врач, фельдшер и водитель “скорой помощи”. Они погрузили ледяную девушку в машину и привезли ее в больницу. Там студент-медик стал лечить ее сразу от обморожения, ожога и испуга.

Как только кончились праздники, к девушке в палату пришел милиционер и стал ее расспрашивать, что было и кто виноват, а слова ее записал в протокол. Потом пришли пожарный, врач, фельдшер и водитель “скорой помощи” — просто проведать. За ними явились корреспондент телевидения с оператором и двумя осветителями — они из девушки героиню праздника сделали.

Представьте, все это были парни бравые, видные, все они были хороши собой, все признавались в пылких чувствах и готовы были жениться.

Девушка выбрала. Она вышла замуж за того, кто поджег ее шубу на площади под елкой. А как же иначе: ведь он первый обратил на нее внимание.

ЖИЛЕТКА

ЖИЛА БЫЛА женщина, которая однажды купила мужскую жилетку. Очень дорогую и красивую. Жилетка была классического покроя, шикарная и скромная одновременно, какими бывают вещи высшего качества.

Спинка жилетки была атласная, с маленьким пояском. Две передние полочки были сшиты из серо-голубой с зелеными разводами ткани. Сквозь узоры виднелись заросли фантастических растений в вечерних сумерках: иногда казалось, что оттуда доносится томный запах жаркой тропической ночи. Рисунок жилеточной ткани успокаивал и будоражил одновременно. А на ощупь ткань была нежной и мягкой, как мех котенка.

Женщина принесла жилетку домой. Но не подарила ее мужу — мужа не было. И не подарила ее кому-нибудь другому — никого не было. Не стала женщина и сама носить эту красивую вещицу — все-таки мужская. Она повесила жилетку в шкаф.

Когда женщине бывало особенно одиноко, когда неумоги становилось от сознания, что ты одна в целом свете перед кучей проблем, никто не спешит тебе на помощь, никто не погладит тебя по голове, утешая, — в такие горькие минуты женщина доставала жилетку и плакала.

Дело в том, что жилетка была специальная, такая, в которую можно плакаться. Женщина прижималась щекой к мягкой ткани, слезы лились ручьем, и становилось легче.

А с жилеткой от слез ничего не делалось. Любая другая вещь от такого использования давно бы испортилась, но только не эта. Внутри жилетки были специальные прокладки, они пропускали влагу внутрь и не выпускали ее наружу. Если вы видели рекламу про подгузники, то и без объяснений сами все поймете.

АФРИКА

ЖИЛА ОДНА очень добрая женщина. Добротой ее пользовались все, кому надо было. Голуби кормились на ее окне каждый день и гадили на подоконник. Подруги подбрасывали ей своих детей даже на Новый год и 8 Марта, ничуть не думая о том, что ей тоже хотелось праздника.

Мужчины липли к доброй женщине, как мухи к банке с вареньем. Один за другим они отогревались возле нее, отъедались, даже успевали приодеться за ее счет, а потом исчезали.

Что поразительно, они уходили недалеко: на соседнюю улицу, в соседний дом. К другим женщинам, совсем не лучше этой — во всяком случае, не добрее ее, и не красивее, и не хозяйственнее. Однако там они устраивались основательно: женились, признавали чужих и делали своих детей. Но все это — с другими. А с милой, доброй, домовитой женщиной никто не хотел жить подолгу.

Ни понять, ни изменить ничего в этой грустной последовательности встреч и расставаний женщина не могла, как ни старалась. А пора было. Уже перевалило за тридцать и становилось одиноко. Тогда женщина пошла к гадалке.

Та, как водится, напустила туману про линии судьбы и зигзаги счастья, про то, о чем молчат звезды и говорит кофейная гуща. Женщина половину из услышанного не поняла, другую половину от волнения позабыла. Врезались в память лишь последние слова гадалки: “Судьба в твоих руках, и ты сама должна решительно ее переменить”.

Стала женщина думать, что же такое ей предпринять. Может, характер изменить? Вон сколько стержневых женщин живут замужем припеваючи. “Нет, это не выход, с другим характером я не я буду”, — подумала женщина.

Может быть, в монахини пойти? Жить без суеты и с пользой. И этот вариант женщине не понравился. Любила она чужих детей и непутевых подруг, и мужчины ей, несмотря ни на что, нравились. Жаль было расставаться со всеми этими хлопотами и переживаниями.

— Ой! — женщине стало страшно: а вдруг гадалка намекала, что ей вообще жить не стоит? Бр-р-р, кошмар какой в голову придет! Тряхнула женщина копной волос, отгоняя дурные мысли. Чего ради спешить на тот свет, когда здесь солнце сияет и завтра обещали дать зарплату?

И снова задумалась женщина, и опять попыталась вспомнить, что такое гадалка бубнила, ведь были же там какие-то главные слова.

Да, точно, в самом начале, перебирая карты, старая пробурчала под нос: "Не в том месте ты, девка, живешь". Женщина, сама не зная почему, решила, что это и есть то главное, что она должна была узнать у гадалки.

И знаете, что сделала женщина? Суший бред. Она продала свою однокомнатную квартирку, купила белую шляпу с пером, билет до Африки и уехала за горизонт.

Дальше не интересно: она познакомилась с приятным мужчиной, который работал миллионером, вышла за него замуж, нарожала детей. Живут они в каком-то тихом уголке Земли. У них счастливая семья. О счастливых семьях все, что можно, уже сказал Лев Николаевич Толстой.

САМОЛЁТИК

ОНИ ПОЗНАКОМИЛИСЬ в машине — девушка спешила на вокзал, молодой человек ее подвез. Дорога была недалняя, и он успел только узнать, что девушка уезжает в Тынду, вернется в ближайший понедельник, и еще — что она любит шоколадные яйца с сюрпризом. Сам не зная почему, молодой человек постоянно думал о своей пассажирке, ждал понедельника, а когда тот наступил, поехал покупать шоколадное яйцо.

И вот попался ему киоск, на котором была большая надпись: "Свежее пиво и волшебные яйца". Оказалось, те самые, шоколадные.

— А почему волшебные? — спросил молодой человек у продавца.

— Ну, ты знаешь, внутри каждого яйца есть какая-нибудь игрушка. По ним и гадают: что попадется, то и случится.

— Но там же разное бывает? Медведи, машины, индейцы... А если динозавр попадется, например?

— Динозавр с тобой и случится. — Продавец философом оказался.

— А если пароход?

— Значит, и случится пароход.

— А какой?

— Ты за пять тысяч хочешь и название, и расписание, и фамилию капитана узнать, да?

Молодой человек очнулся: правда, как он мог в эту чепуху поверить? Забрал яйцо и поехал на вокзал.

Поезд из Тынды не пришел, девушка не приехала...

Яйцо на жаре расквасилось. Молодой человек хотел его сначала выбросить, но передумал — интересно стало, что же внутри? Расковырял он липкий шоколад, вынул желтый контейнер, вынул из контейнера детальки. Из них сложился самолетик.

— Похоже, я пролетел, — невесело усмехнулся молодой человек, держа на ладони яркую игрушку.

И тут он услышал — свежие новости по радио передают: “С сегодняшнего дня между Благовещенском и Тындой, — радостным голосом сообщила дикторша, — налажено авиационное сообщение”.

И вы знаете, девушка прилетела первым рейсом. И молодой человек ее встретил. С цветами и коробкой обыкновенных конфет.

От яиц с сюрпризом он решил отказаться, чтобы не искушать судьбу. Что, если бы в желтом контейнере и в самом деле оказался не самолетик, а динозавр?

САНТА-БАРБАРА

ЖИЛА-БЫЛА женщина, которую звали Глафирой. К тому времени, когда она стала бабой Глашей, она так хорошо сумела наладить жизнь своего большого семейства, что осталась не у дел и все время сидела у телевизора.

Особенно любила сериалы. Особенно — “Санта-Барбару”. Она так привыкла к этому бесконечному фильму, что заморские страсти стала принимать близко к сердцу, а однажды вообще решила ехать в Америку. Домашние посоветались и согласились: надо помочь — хоть и миллионеры, а вон сколько лет мучаются.

В Санта-Барбаре встретили бабу Глашу спокойно: ну еще одна чья-то дальняя тетя, на этот раз из России. Поздоровались, не заметив, определили в домик для гостей — он уже давно пустовал.

Баба Глаша поселилась и стала приглядываться, так сказать, изнутри. Первым делом она определила, что все Кэпвеллы неправильно питаются. За столами вроде сидят часто, но с крошечных тарелочек клюют что-то несерьезное. К тому же много разговаривают и еще больше нервничают во время еды.

Неинтересно описывать, какую революцию совершила баба Глаша

на кухне, только вскоре меню Кэпвеллов сильно изменилось. Борщи стали подавать, пирожки, “Амуры” в горшочках. Ароматы по особняку разносились такие, что скоро все семейство, как положено нормальным людям, стало обедать на кухне, а не по ресторанам или в коридоре прямо возле входной двери, как раньше.

Новая еда так понравилась, что скоро и завтракать, и ужинать миллионеры стали дома. Тут они бабу Глашу разглядели, стали расспрашивать ее про жизнь в России. Она такие потрясающие истории рассказывала, что за столом уже никто не успевал заниматься выяснением отношений.

Когда к ней окончательно привыкли, баба Глаша стала по одному обрабатывать несчастных миллионеров. Начала с самых нервных — с молодых. Она позаваривала травки (с собой привезла), и вскоре оказалось, что Иден ждет двойню, и Келли тоже. Они обе занялись шитьем распашонок, а волосатик из “Логова” сам собой исчез.

Как-то София забрела на запах борща да и осталась. Баба Глаша постепенно внушила ей, что она тоже бабушка и совсем нехорошо в ее годы скакать молодой козочкой в поисках приключений. Лучше внуками заняться. За разговорами и пирожками София не заметила, как растолстела, в наряды влезать перестала, зато успокоилась. К тому же Сиси был при ней.

Кстати, баба Глаша сразу стала называть Сиси Александром Ивановичем, чему тот был очень рад — ему давно опротивело его неприличное имя.

Выполняя свой план, баба Глаша уговорила Александра Ивановича вложить все деньги в строительство моста через Амур — это где-то в районе Благовещенска. Ему идея понравилась. Миллионы свои он перевел в один очень надежный банк, стал ждать прибыли.

Но прибыли все не было. С деньгами в семье стало туговато. Поэтому все мужики начали вкалывать по-настоящему. И женам пришлось идти работать. Баба Соня и дед Саша нянчились с внуками — садик был им не по карману.

Как только Кэпвеллы перестали быть вызывающе богатыми, к ним сразу же перестали приставать разные проходимцы.

Чтоб уж совсем начали жить по-людски, баба Глаша сады завела. Она нарезала каждому семейству по десять соток в парке, показала, как картошку сажать, устроила соревнование — кто больше всех мешков накопает.

Пока что баба Глаша осталась в Санта-Барбаре: надо еще Тэда женить. После свадьбы все Кэпвеллы собираются к ней в гости в Россию. Приедут, если денег на дорогу хватит.